

СТАРИК И СМЕРТЬ

Он, кажется, давным-давно, даже всю жизнь жил один, хотя жена умерла одиннадцать лет назад. Труднее всего было пережить зиму. К старости мир делается совсем маленьким. Отошли старые друзья, новых нет, и заводить новые знакомства не было желания. Он пробовал заводить компанию, но не получалось. Как правило, компании оканчивались выпивкой, а пить он не любил. В молодости занимался альпинизмом. Там пить не принято. Правда, удачный подъём отмечали. Ещё запивали от погоды, когда идти в горы нечего было и думать. Да и от веселья, от избытка сил была выпивка в молодости, тогда не было причины заливать одиночество.

Что он имел к старости? Однокомнатную квартиру, которая осталась после замужества дочек. Они вышли замуж одна за другой, и он с лёгкостью разменял свою четырёхкомнатную, чтобы молодые имели свой угол. Теперь муж старшей держит торговую точку, как любит говорить он сам, а муж младшей — дальнобойщик. Внуки уже пооканчивали университеты-институты. Их у него четверо, и они тоже живут своей жизнью.

Всю жизнь он работал в архитектурном бюро. Рабочий день по расписанию, выходные — тоже. Уже и в пенсионном возрасте работал три года, просыпался в установленное время, хотя всю жизнь ленился вставать по утрам.

Веселее было с женой, он была немного болтливой, но независтливой и мужа не “пилила”. Вместе они построили и эту так называемую дачу — небольшой, но уютный садовый домик. Какой-то председатель новосозданного садового товарищества обратился к нему. Он бесплатно помог с проектированием и другими архитектурными увязками и неувязками. В благодарность ему выделили участок. Надо сказать, то ли организация была “солидная”, то ли председатель разворотливый, но добился он разрешения вести строительство по индивидуальным проектам, а не ставить холодные однообразные щитовые домики, как было принято. Пользуясь этим, некоторые перевезли большие деревенские избы. Старик раздобыл нового здорового леса и построил приличный домик с печкой, плюс к этому веранда, которая служила кухней, и небольшая комнатка под крышей.

Получилось так, что он будто и предвидел, что детям и внукам эти садово-огородные участки не понадобятся. Дети, пока были маленькими, с удовольствием дачничали, тут у них были и свои компании для игр, и лес рядом, в те времена довольно грибной. А когда выросли, грядки оставили старикам, пошашлычить иногда наезжали, не более. Ну, и от яблок из своего сада никто ещё не отказывается.

Правда, дочки приезжают регулярно, забирают и перестирывают одежду, постельное бельё, привозят продукты.

Вот такова она, старческая жизнь, получилась. Можно этим и гордиться, можно и просто утешиться. Но больше всего вспоминается молодость, когда занимался альпинизмом. Чаще всего он бывал на Кавказе, но довелось повидать и суровый Тибет, и на Урале бывал, и в Саянах...

Теперь он может свободно распоряжаться своим временем. Имеет все необходимые ему инструменты, с удивлением вспоминает те времена, когда всё надо было доставать. Особенно импортную мебель, продажу которой даже распределяли по предприятиям. Теперь он удивляется, что ему было интересно всё это. Скорее всего, потому, что в молодости много энергии.

Забот по даче хватает. У него своё небольшое хозяйство. Первое — надо досматривать сад, заимел и грядку клубники, когда внуки были ещё маленькими, потом заменил её на садовую землянику. Да и зелень надо иметь, смешно же с дачи в город ездить за пучком лука, укропа, да и ранний огурчик с грядки ничуть не лишний. Для этого с весны ставит небольшую тепличку.

Когда был моложе, то в лесу, что рядом, заготавливал дрова. Там было много молодых берёз, которые под силу взять и старому человеку, и соснякового сухостоя для растопки хватало. Конечно, от таких, как он, охотников берёз порядочно убьёло, а те, что остались, выросли в матерые деревья, которые с его силой не взять даже и бензопилой. Дрова он покупает в местном гортопе, большие колоды оставляет зятьям, небольшие колет сам. Печку подтапливать нужно, потому что на дачу заезжает с весны и сидит иногда до поздних холодов.

Спит минимум до одиннадцати часов, говорит, что отсыпается за молодые годы, хотя и сам иногда подумывает, что это обыкновенная старческая сонливость. В конце концов, ему для работы хватает и оставшегося дня.

Летом на даче люди, есть с кем поговорить.

Зимой занять себя в городе труднее. Комнатка, телевизор и книги на полках. Он застал ещё то время, когда страна была всечитающей, и книги тоже надо было доставать. Доставать лучше умела жена, он и теперь удивляется, как ей всё это удавалось, да ещё на итээровские зарплаты содержать прилично и одевать девочек, а порой ещё и модный хрусталь добывать. Позже этот хрусталь, ненужный ему, разобрали дочки, многое перевезли на дачу.

Старик был рад за дочек, которые не затерялись в жизни, определились с семьями, да и сыновей вырастили. Иногда семействами приезжали к нему на день рождения пошашлычить. Дочки накрывали на стол, мужчины занимались шашлыками. Его “коммерсант” неизменно привозил, как он говорил, бутылку фирменного бренди, которую, практически, сам и выпивал. Внуки не пили даже пива, вели свои малопонятные ему “компьютерные” разговоры. Старика удивляло, что в этом во многом непонятном ему мире у моло-

дэжи появилась мода на непитие и некурение. Тут зятя были и понятнее, и ближе.

Когда гости разъезжались, старик пытался думать о своей жизни, о жизни своих детей и внуков и, в конце концов, понимал, как далеко вперед ушла жизнь и что он остаётся в самом конце её... С тем, слегка захмелевший, и заснул спокойно и крепко.

У него была счастливая черта характера: он не умел таить обиду на людей, а на своих детей — тем более, не хотел что-то требовать от них. У них была своя жизнь. Он даже с юмором воспринимал тогдашнее столпотворение на перронах электричек. Тогда считалось, что каждый нормальный человек должен иметь “дачу”. Он, естественно, не попал в первую волну раздачи. Считалось, что товарищества должны были решить проблему садово-огородного обеспечения страны. Проблему они не решили, но проблему летнего отдыха детворы в те времена решали успешно. Тогда детьми дачи буквально кишели, звенели детскими голосами и лес, и поле, пока родители копались на огородах.

Старик так и не заметил, как неумолимо начался укорот его жизненного пути. Сначала стали тише женские голоса, убывала на дачах детвора. Люди, наверное, как и деревья в лесу, не замечают, что их становится меньше. Только грибники всё чаще и чаще спотыкаются об упавшие стволы.

На природе, когда всё живое начинало отходить в зимнее безмолвие, не особенно угнетали долгие вечера, потому что дачники всё же объявлялись в погожие дни, особенно если продолжалось грибное время. Исключением были дождливые ветреные дни, когда дожди хлестали по стенам избушки и днём, и ночью, но приятно утешало тепло от натопленной печки.

А вот угнетённость от одиночества в городской квартире, особенно в первой половине зимы, с годами начала переноситься всё тяжелее. Старик не находил себе занятия, не утешали и книги. Хотя он заметил, что книги имеют удивительную способность со временем восприниматься по-другому. Ни с того ни с сего хотелось перечитать Тургенева, особенно его ранние молодые повести, убаюкивала спокойная размеренность “Дворянского гнезда”. Он иногда думал: зачем ему, старику, ранний Тургенев? Или зачем набивать голову новыми знаниями, если уже совсем скоро не станет и его самого со всем приобретённым опытом. Однако утешение было: наверное, так Бог сотворил человека, а тот, в свою очередь, придумал загробную жизнь. Получалось, что он накапливает знания для той, загробной жизни. Это горько веселило и взбадривало.

А потом старик в начале зимы, когда начали браться небольшие сухие чистые морозики, нашёл неожиданно для себя занятие.

Сколько раз он проходил в Троицком предместье мимо небольшого, словно игрушечного памятника, не особенно обращая на него внимание. На памятнике бодро шагал старичок с котомкой и крепким кием в руке. И старику показалось, что этот человек чем-то похож на него. И главное, что шёл он уверенно, зная, куда идёт. Была в этом человеке какая-то непонятная и привлекательная ясность.

Потом старика от этого памятника что-то повело — иначе и не скажешь — в Купаловский парк. И не к монументальному поэту, а к девушкам, которые в любую пору года неумолимо отпускали свои венки надежды. Была какая-то магия в этом металле. Дальше — больше, он начал присматриваться к кузнечной работе на решётках балконов старых зданий, редких уже в глухих закоулках города.

Нового, выросшего на большой площади города он не знал, не мог охватить его.

Теперь старик в сереньком коротковатом пальто, в ушаночке, уши которой были связаны на затылке, с тросточкой, смастерённой своими руками из можжевельника, ежедневно отправлялся гулять по городу. Он любовался танцующими девочками на бывлой Парковой магистрали, сидел на лавочке рядом с девушкой в привокзальном скверике, любовался каретой возле восстановленной ратуши. Если бы наблюдать за ним со стороны, могло бы сложиться впечатление, что человек что-то настойчиво ищет. В своих поисках

он чувствовал себя легко и бодро даже в морозные дни. Его неброское пальто было на меховой подкладке, удобные варежки согревали старческие руки.

И чем больше старик блуждал по городу, тем чаще вспоминал места, где не только жил, а и часто бывал когда-то. Вспомнилось ему и старое Слепянское озеро. Оно зарастало, мелело напротив Ботанического сада. С другой стороны вдоль него возвели девятиэтажки. Но озеро продолжало жить, и вдоль ручья, от которого оно начиналось, на болотине роскошествовали высокие тростники. Где-то там стояли здания из красного кирпича, возможно, усадьбы Ваньковичей.

Ещё тогда старик вышел на окраину парка Челюскинцев. Туда мало кто добирался — все аттракционы были поближе к проспекту. На краю парка он обнаружил обелиск, который свидетельствовал о том, что во время войны там были расстреляны люди... И с той возвышенности открывалась вся заросшая тростником ложбина, и не было видно самого зеркальца озера.

Старик начал искать это место, хотя знал, что после реконструкции Слепянской водной системы, где каналы ровно выложены плиткой, где все перестроено, уже не будет тростниковых зарослей.

Однако опять что-то вело старика на то место, ему надо было побыть там.

Старик нашёл тот бугор. На нём росла старая, в два ствола ива. У комля кора на ней, как у древних воинов, была похожа на латы, которые покрывались мхом.

Возможно, сильным ветром один ствол было сломан и скручен. Поэтому смотрители парка просто отпилили его, и ива осталась жить с одним стволом, мощная, роскошная, она потихоньку зарубцовала рану, и получилось удобное сиденье... Оно оказалось удобным, и время от времени старик начал приезжать к иве, садился, укладывал руки на тросточку. Зимнее солнце пригревало лицо, и глаза невольно закрывались... И ему начинало казаться, что под ветром волнуется целое тростниковое море и он слышит его шёпот, такой приятный и ожидаемый...

Таким старика и нашли случайные лыжники. Он сидел, положив руки на тросточку, спокойный и умиротворенный. Лыжники едва не пошли дальше, и смутило их только то, что следы к иве давно засыпаны снегом и снег нетронутно лежит на человеке...

ЛОШАДИ ДЕТСТВА

Я всегда помнил о них, но к старости они начали вспоминаться и сниться всё чаще. Где-то с двенадцати лет мы с нетерпением ожидали в конце весны школьных каникул. Впереди было лето, и с нами всё это время были лошади. Начали мы привыкать к ним ещё раньше, когда были поводчиками у старших ребят, когда окучивали картошку. Сидели на лошади и управляли ею, чтобы шла в междуурядье. А потом поняли, что лошади быстро усвоили эту науку, в конце поля они сами заворачивали и становились на следующий заход.

На целое лето у каждого из нас была “своя” лошадь. Мне досталась чёрная кобылица Чайка с белой звёздочкой на лбу, довольно спокойного нрава. Более шустрые лошади достались ребятам постарше. Поля нашей деревни были большие и длинные. Работа довольно однообразная, зато перерывы на отдых были занимательными. До чего мы только не додумывались! Теперь не всё и упомнишь. Даже заставляли колхозных лошадей прыгать в высоту. Натягивали вожжи, и лошади покорно прыгали. Но главным удовольствием была езда в поле и с поля. Поэтому мы любили, когда картошка была посажена на дальних полях. По концам деревни в поле вели две “стенки” шириной метров в сорок — прогоны, по которым можно было прогнать на пастбище стадо коров. Вот тут и начиналось главное — езда наперегонки. Какое это сладкое и счастливое чувство, когда лошадь в полный карьер несёт тебя над землей, ты сливаешься с лошадью в одно целое, только слышны стук копыт

и собственного сердца, и ветер в ушах! И тогда кажется, что ты не на полевой дороге, а летишь над землей и вот-вот взлетишь далеко и высоко. Но за счастье полёта приходится платить. Земля не хочет отпускать от себя земного человека. И мы частенько падали с лошадей, а иногда и вместе с ними, на жёсткую полевую дорогу.

Начинала уже цвести рожь, мы весёлой стайкой ехали с поля домой на обед, и естественно, наперегонки. Возле самой деревни неизвестно откуда вдруг взвился небольшой вихрь, взметнул пыль и откуда-то с обочины бросил коням под ноги кусок старой порывшейся газеты. И стройный, бело-седой в мелкую крапинку Рысак, который был под Володей Кубанским, — наверное, не чистых кровей, но быстрый на бег — на полном скаку испуганно шарахнулся в сторону. Володя тяжело упал на полевую дорогу. Упал и некоторое время лежал неподвижно. Мы испуганно остановились, подъехали к нему. Остановился и Рысак. Мы помогли Володе встать на ноги, испуганные и притихшие. Володя как-то туманно смотрел на нас, словно свалился с неба и видит нас впервые. Из ушей у него тоненькими струйками текла кровь. Нам стало страшно, мы подвели Рысака, и тот неожиданно опустился на колени. Дальше ехали медленно... Двое вели Рысака под уздцы.

Позже удивлённо вспоминали, как Рысак опустился перед Володей на колени, видно, в его крови была и благородная лошадиная кровь.

Красивого, тонконогого Рысака люди обычно просили у бригадира, чтобы съездить в гости, на свадьбу. При нём празднично смотрелись застланные разноцветными самогканями с тёмными телеги и сани, да и сами поездежане.

Сивая кобылица Зebra, с тёмной шерстью в белых коричневых крапинках, широкая в кости, с коротковатым туловищем, была сильной, могла привезти из леса ладный воз с дровами. Кличку Зebra она получила из-за своего строптивого нрава.

Жаркими летними днями в полдень не только мы отдыхали дома, но и лошади в конюшне с настежь открытыми дверями. Перед тем как ехать опять в поле, лошадей надо было напоить. Для этого в деревне у колодца стояли специальные выдолбленные из толстых брёвен длинные корыта. Лошадь пьёт только свежую чистую воду, если вода слишком холодная, она медленно тянет её сквозь зубы.

Зebra напилась воды, но идти работать не хотела. Когда я хлестнул её по бокам поводьями, она начала лягаться, подбрасывая круп вверх, завертелась на одном месте, чтобы сбросить меня. Я ещё раз потянул её поводьями, она начала мотать головой, пытаясь достать меня. Я еле успевал уклоняться от ударов и удерживаться верхом. Хлопцы, которые уже были на лошадях, взяли Зebra с боков и сзади в кнуты. Зebra рванулась вперёд, ещё раз мотнув головой назад. И всё же попала мне в переносицу. В глазах у меня стало звёздно, из носа потекла кровь. Зebra несла меня к конюшне, намереваясь с ходу влететь в неё. Ворота в конюшню были низкие, и мне, чтобы не разбить голову, пришлось падать наземь.

Через много лет, когда я был уже взрослым, доктор спросил у меня:

— Вы занимались боксом?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— У вас искривлена переносица. Можем исправить.

Я откачался — эта искривленная переносица не мешала мне жить. И вспомнил Зebra.

Клички коням давались всегда точные. Другая кобылица, тёмно-каштановой масти, посильнее Зebra, была и туловищем подлиннее, кличка Львица очень подходила ей. А самым приметным в деревенских табунах был Пегий, он имел чёрно-белый окрас, как корова.

Ну, а попасть в ночное было уже признанием взрослости. Кто из мальчишек откажется провести ночь у костра в ночном! Да и назавтра не надо было идти на работу, надлежало высыпаться.

Ещё с вечера мы начинали готовиться к ночному, заготавливали дровишки и ветки, собирали на пастбище высохшие коровьи “блины”. Дров должно было хватить на уголья, в которых запекалась бульба, а кизяк должен гореть всю ночь и согревать нас. Конюх дядя Федя, искалеченный войной

и в немецком плену, а вечера подрёмывал в своём длинном вылинявшем брезентовом плаще, покада мы разжигали костёр, запекали бульбу. Потом вместе с нами ел бульбу, посыпая её солью, и отправлял в обход табуна свою остроухую собаку Волчка. Кобылу Львицу и своего Волчка он любил и гордился ими, это была его жизненная радость.

Начинались его рассказы о лошадях, а потом и о волках, которые любят ночью подходить к табуна и могут унести жеребёнка, когда его мать с малышом неосмотрительно выйдет из табуна.

Однажды во время такого рассказа Волчок ни с того ни с сего начал жаться к ногам дяди Феди.

— Смотрите! И вправду говорят: о волке помолвка, а он тут как тут.

Дядя Федя встал, сел на свою Львицу и поехал вокруг табуна, громко покрикивая на лошадей. Волчок остался с нами у костра.

Под утро сильно клонило ко сну, утренняя роса студила босые ноги. Тогда каждый из нас находил в табуна свою лошадь, влезал на неё, ноги засовывал ей под мышки, ложился на лошадь, и она грела нас своим теплом...

Светлело небо на востоке, этот дальний свет понемногу зеленел, поднимался выше, небо синело, а потом и светло, тонко розовело. Но нам было не до утренних красот.

А потом приходило утро и начинало вставать солнце.

После того как оканчивались наши работы на картошке, оканчивалась и работа весёлой гурьбой. Когда мужчины уезжали на дальние сенокосы, мы вместе с женщинами возили с лугов сено, высушенный клевер. Подростками мы умели косить, пахать, класть возы сена и снопов. Вместе мы собирались только после работы. Ещё не все старицы спрямлённой реки заросли. Одна из старниц называлась Конской, и в ней, в живой ещё реке купали лошадей.

Мы подрастали, нас уже начинали интересовать девчонки и вечеринки...

Эпоха колхозных лошадей окончилась довольно быстро, когда на полях появились “Белорусы”. Они за несколько дней вспахивали, боронили, окучивали, привозили и отвозили грузы, умели делать очень много колхозной работы, да и не только колхозной, а вообще крестьянской. И два табуна лошадей для одной, пускай и большой, колхозной деревни стали лишними. Чья-то голова придумала скормливать лошадей свиньям для увеличения прироста. Свиньи тут ни при чём. Это люди убивали лошадей моего детства.

На другом, высоком берегу когда-то полноводной реки был Большой Курган, вокруг него, на склоне и по полю — маленькие курганы. Все это люди называли Шведскими курганами. На курганище росла небольшая берёзовая роща. Берёзы были необычными, не прямыми, а искривлёнными, кора на них была не тонкая, а корявая, как на старых деревьях. Они больше напоминали карельские берёзы, встречающиеся и в Беларуси. Привычные нам берёзовые рощи вдоль реки были вырублены во время Первой мировой войны на военные укрепления. Эта рощица сохранилась, там соорудили летний лагерь для свиней, чтобы хрюшки во время жары могли отдохнуть в тенишке, да и жижа по склону ручейком стекала в реку из этого свиного летнего лагеря.

Тропинкою через эту рощицу мы ходили в школу, которая находилась в соседней деревне. В тот день по дороге из школы я увидел возле навеса нашего колхозного конюха Деда Дужего, невысокого, но крепко сбитого мужичка. Прозвище своё он получил за то, что выпившим, возвращаясь домой, во всю глотку орал: “Я дед дужий!” Он очень ловко привязал ко вбитому в стену крюку лошадь, потом замахнулся и изо всей силы ударил лошадь обухом топора между ушей. Лошадь рванулась, взвилась свечкой и замертво рухнула на землю.

Так впервые и единственный раз в жизни я увидел убийство. Оно потрясло меня.

Мне кажется, с тех пор я не люблю людей, люблю детей, собак, зверюшек...

Женщины? А они, возможно, и не люди, а какие-то другие существа, живущие вместе с нами. Мы пытаемся разгадать их испокон веков, не разгадали и не разгадаем. Но мы не можем жить без них, как и они не могут жить без нас.

Давно уже не стало Шведских курганов, и даже Большой Курган разворотливый председатель по фамилии Павлюдь раскопал и отсыпал им дорогу от конторы к небольшому ручейку, в который превратилась бывшая река. Или, может, пытался выкопать из-под того кургана золотую карету?

А берёзовая рощица уцелела, такая же кряжистая и навечно вросшая в землю...

Многое не сохранилось. Нет журавлиной дороги над полями моего детства. Журавли, лошади, жито, жизнь — все это из одного святого для меня ряда.

В больших, грустных глазах лошади отражался в начале жизни весь мир, и ты в этом большом мире. Будь на то моя воля или средства, построил бы памятник Его Величеству Коню — труженику и воину.

И теперь разъединение с этим миром представляется мне дорогой из вечной печали полей в белый, как молоко, туман речной долины, в который ты погружаешься на лошади, как в неизведанное непонятное бытие, которое по сути своей и есть небытие, и туман закрывает, закрывает сперва коня, а потом и тебя самого.

И на этой последней дороге тебе обязательно увидится детство...

Перевод с белорусского автора